

Веч. Москва — 2002 — 28 янв. — 16

Римма КАЗАКОВА:

ЛЮБОЙ ПОЭТ В ДУШЕ ЖЕНЩИНА

У Риммы Казаковой — серьезный юбилей. В это сложно поверить. Она резка, импульсивна, ей идут жемчуг и белый цвет, и она совсем не похожа на «бабушку»

Дарья АКИМОВА

— Вы жили на Дальнем Востоке, в Белоруссии, в Ленинграде... Где лучше?

— Везде. Когда я уезжала с Дальнего Востока (я там прожила семь лет), плакала. Мне казалось, что я делаю что-то совсем не то. Но Россия вообще-то такая большая, что понятие родины — не географическое. В Москве, например, мне нравится то, что в ней можно потеряться, как иголке в стог сена.

— Но ведь вас же узнают?

— Ну и что? Раньше, правда, я смущалась. Это меня одна дама научила — подошла и сказала: «Вы поэтесса Римма Казакова!» Я: «Ну и что?!» — «Ничего, что вы так сердитесь? Вы ничего плохого не сделали, вы пишете стихи, многим они нравятся, мне тоже. Я, между прочим, тоже на улице не валяюсь — я налоговый инспектор, вот моя визитная карточка, вдруг пригожусь...» Так что теперь я веду себе иначе. Стараюсь побороть смущение и сказать спасибо. Однажды еду по эскалатору, ко мне обращается женщина: «Ой, я вас знаю!» Я ответила: «Запишите телефон, книжку подарю».

— А вы знаете, кто вас читает?

— Да вы что, кто вообще сейчас читает! Даже письма перестали присылать — стихов ведь никто не печатает. Вот недавно один богатый самодур издал меня тиражом в двести экземпляров — красивая книжка получилась, но я хотела бы другого тиража. Но это нужно ходить, искать деньги, просить...

— Вы просить умеете?

— Еще как.

— И как же?

— Если пришла к государственному чиновнику, то говорю о судьбах народа и о том, что «только такие золотые люди, как вы...» Трудно. Я понимаю так: если период переходный, это не значит, что народ должен быть бедным, а обучение и лечение — платным. Но на все нужно время. Однажды я была в Эфиопии, туда приехал наш новый посол и я спросила: «Почему не создаете коммунистическую партию в Эфиопии?» Он ответил: «Скоро будешь шагать — штаны порвешь». Нельзя слишком быстро бегать. Все равно народ видит, что суды врут и обманывают. Что того же Паско бесконечно мучают. Что есть телефонное право. Но люди ждут лучших времен. И у меня профессия такая, что я не имею права плохо относиться к людям. Мне всех очень жаль. Осужденных в тюрьмах. Нищих. Когда-то в детстве мне говорили: «Почему, когда ты играешь на аккордеоне, в глазах у тебя мировая скорбь?» Не знаю. Я се-

бе постоянно говорю: все хорошо, все в порядке. А тоска порой душу терзает.

— Женщина у нас должна скорбеть и жертвовать?

— Начнем с того, что никто ничего не должен. Если смотреть с позиции должностования, то мы все уроды и глубоко несчастные люди. Кто-то не получил высшего образования. Кто-то занялся не тем делом. Кто-то не родил ребенка. Я однажды по молодости в какой-то бесшабашной глупости сказала одной женщине: «Какое счастье иметь сына!» И увидела опечаленное лицо: «А я вот не могу иметь детей»... Помню, пока у меня самой не было ребенка, я на детей смотрела... с удивлением: кричат, шумят, пищат — ужас! А когда родила, любую шпану стала тащить к себе на колени. Появилось такое очень нежное чувство. Теперь вот удивляюсь, как можно было писать стихи, еще не будучи матерью.

меня любовь — это страсть. Когда почему-то — нипочему, от фонаря, от Бога — мгновенно влюбляешься и понять ничего не можешь. Как говорил в моей юности один немолодой лектор марксизма-ленинизма: «Когда или с этим человеком — или с моста в речку, то вот это она и есть. Любовь».

Конечно, это очень здорово — пережить с одним человеком и весну, и лето, и осень. Но далеко не со всеми так бывает и далеко не всем это подойдет. Я думаю, безответная любовь — скорее норма. Любовь — это достоинство того, кто любит. Любовь должна быть безнаградной. Так что, как я раньше шутила, самая невзаимная любовь — это любовь к родине.

— Какое самое больше чудо в вашей жизни?

— Ребенок. Несмотря на все переживания. Вот сейчас Георгий (известный писатель-постмодернист Егор Радов. — Д. А.) за границей — все хорошо, а мне без него беспокойно... Есть еще внуки, конечно. Маша учится в

дарственную политику. Я знаю, что в Англии был момент, когда она сильно «почернела». В Германии опасались огромного количества турков. Но нормальный человек ни шовинистом, ни националистом быть не может.

— У нас политкорректность не приживется.

— При-жи-вет-ся! Главное — не ждать слишком быстрых результатов. Воспитывать детей. Вот в этом доме, где мы с вами разговариваем, было когда-то общежитие Высшей партийной школы. Один мулатик прибежал домой из школы и плакал: «Мамочка, отмой меня!»

Дети подлежат ежесекундной опеке! Однажды мой сын пришел откуда-то (мы жили около природы, на Ленинском проспекте) — руки были странными, грязными. «Что это такое?» — «Пыльца». Оказывается, мальчишки ловили бабочек и давили их. «Ты с ума сошел, убийца бабочек!» Я довела его до слез, а потом подумала: хорошо, я научу его не мучить таракашек, а как он будет защищаться от тех, кто захочет мучить его? Это очень долгая система воспитания чувств — от кого защищаться, с кем сражаться.

— А феминизм? Вам нравится, когда пальто подают?

— Я об этом вообще не думаю! Однажды мне сказали: «Риммочка, ты очень неженственно себя ведешь» — «А в чем это выражается?» — «Ты сама надеваешь пальто, сама открываешь дверь» — «Родной мой, так с тобой нужно до утра стоять и ждать, пока ты о моем пальто вспомнишь». Это очень приятно, когда за тобой ухаживают, рядом с такими мужчинами я становлюсь женщиной. Но все остальное время...

— Женщины страдают больше мужчин?

— Елки-палки, да все страдают! Зато я одна из очень немногих поэтесс, которые воспели счастливую любовь. «Я полюбила быт за то, что он наш общий быт...»

— Быт вас никогда не давил?

— Никогда. Я люблю быт. Готовлю. Есть женщины, органически на это не способные. А мне кажется, что мужика надо кормить.

— Что тогда самое опасное для любви? Привычка?

— Ой, я как-то не успевала привыкнуть — все кончалось раньше...

— Вас легко вывести из себя?

— Я вспыльчивая. Но... по-

кричу, поматерюсь — и успокаиваюсь.

— Вы ругаетесь по матушке?

— Еще как. Это такая привычка дурацкая. Я водила машину и заметила за собой: если на дороге что-нибудь не так — вырывается... Как у извозчика. Но мне не идет. Точно так же, как не идет курить. Правда, когда работала в редакции — курила, чтобы не задохнуться. Ушла — бросила. Это не мое. Мне не нужны наркотические привязанности.

— Вы склонны усложнять себе жизнь?

— Просто жизнь преподносит сюрпризы. А потом, зачем упрощать? Хотя бы такой пример. Один мой знакомый пьет кофе из огромной, чуть ли не килограммовой банки — а что, говорит, вкус такой же и недорого. А я покупаю хороший. Люблю жить со вкусом. Я могу ничего не есть, а потом купить себе свежесжатый сок. Я действительно могу обходиться без необходимого, пропаду — без лишнего. Ну что это за сиротские взгляды: «Я бедный и не могу себе этого позволить!» Нужно позволять и поимать свой кайф от этого. Дело не в цене. Я не могу, как Шарон Стоун, купить себе остров. Ну и что? Для меня вещи имеют только знаковое значение. То есть я понимаю, что на прием к президенту лучше прийти в бриллиантах, а не в бижутерии. Но вот эта брошь — отнюдь не Сваровски, просто она мне нравится.

— Вы очень хорошо выглядите...

— В моем возрасте трудно держать форму, к тому же я послевоенный ребенок. Но я не люблю сладкое. Никаких таблеток для похудения не пью (я человек любознательный, однажды попробовала, и результат был плачевный). Способ похудеть есть только один — очень хорошо о нем говорит Майя Плисецкая: «Не жрать». Много спать. Много гулять. В еде я за полный голод, но многие его боятся. Помню, как я ненавидела человечество в Переделкине: я тогда худела, почти не ела, а вечером к мужу приходили знакомые и бесконечно обсуждали проблемы колхозов (он был писатель-деревенщик).

А впрочем, это все не так важно. Наши женщины не могут быть Твигги — другая конституция. И просто быть женщиной замечательно уже само по себе. Женщины тоньше, точнее, глубже. Женщины рожают — это дар. Любой поэт в душе женщина.

Я полагаю, что меня никто не любил. Чтобы действительно интересный человек испытал ко мне чувства, которые я квалифицировала бы как любовь... этого не было в моей жизни

— В вас больше «женщины» или «матери»?

— Думаю, что я по типу женщины-мать. Поэтому у меня было два мужа, один на семнадцать лет старше, а другой на одиннадцать лет моложе. Оба были для меня в какой-то мере сыночки (старший — в большей степени).

— Вас обожают мужчины?

— Вы что, с ума сошли? Почему, что за бред?

— Вы красивы. Умны.

— Я знаю! А вы думаете, мужчины так любят умных женщин? Честно говоря, я полагаю, что меня никто не любил. Конечно, если тебя любит какой-то «сапог», а ты ему не отвечаешь, то этой любви фактически нет. А чтобы действительно интересный человек испытал ко мне чувства, которые я квалифицировала бы как любовь... этого не было в моей жизни.

— А что вы вкладываете в слово «любовь»?

— Я в этом плане существо одноклассное. Мне не нужно, чтобы мужчина был богатым или очень умным — просто если он не полный идиот, у него есть занятие. Главное, чтобы жизнь была оправдана. Такого человека я могу любить. Все-таки (к сожалению, а может быть — к счастью) для

школе, сегодня позвонила: «Ты все «Бородино» знаешь наизусть? Да? Я тоже хочу выучить все». Она активный, веселый человек — чем-то на меня похожа. Однажды она (совсем маленькой еще) была у меня, и ко мне должен был прийти один композитор. Маша взяла ведро и тряпку. «Что ты делаешь?» — «Полую — ведь гости придут. Кто-то же должен». Когда я с ней общалась — я с ней одного возраста. А когда общалась с внуком, ему девятнадцать, то я в его измерениях.

— Вы вспоминаете свое студенчество, ЛГУ?

— Университет мне дал хорошее образование. Я историк. Знаете, и «тягомотная» история КПСС — интересна! Я занималась историей фашизма, влюбилась в гражданскую войну в Испании. Думаю, мы еще будем вспоминать эти события. Слава богу, откровенно фашистские партии хотя бы в Москве запрещают. У нас они — особенная глупость: в нас намешано столько национальностей, что слово «русский» звучит как просто «человек». Надо быть осторожными с определениями вроде «лица кавказской национальности». Нужно проводить верную госу-

Досье «ВМ»

Римма Федоровна КАЗАКОВА — поэт. Первый секретарь Союза писателей Москвы. Родилась 27 января в Севастополе, в семье военного. Раннее детство провела в Белоруссии, школьные годы — в Ленинграде. Жила на Дальнем Востоке в Хабаровске. Закончила исторический факультет ЛГУ и высшие литературные курсы при Союзе писателей. В 1958 году вышел первый сборник ее стихов «Встретимся на Востоке». Автор многих песен («Ненаглядный мой», «Ты меня любишь», «Мадонна»).